

УДК 94(571.6):623.4

Е.А. Багрин¹

Региональные особенности применения огнестрельного оружия в Сибири и на Дальнем Востоке в XVII веке²

(по материалам письменных источников)

Regional features of fire-arms usage in Siberia and the Far East in XVII century
(according to the written sources)

Статья посвящена использованию огнестрельного оружия русскими на территории Сибири и ДВ. Она рассматривает различные его виды и особенности употребления. В статье так же затронуты аспекты снабжения огнестрельным оружием, его починки и правового владения. Рассматривается вопрос проникновения русского огнестрельного оружия к аборигенному населению.

Ключевые слова: военное дело, история оружия, российский Дальний Восток, Сибирь.

Article is devoted to the fire-arms Russian service people in the Eastern Siberia in XVII century. In article features of the use and the characteristic of its basic kinds are considered. The author has considered supply and security questions служилых fire-arms, and as its penetrations to the opponent.

Key words: *military science, history of the weapon, the Russian Far East, Siberia.*

В Западной Сибири оснащение служилых из-за близости центра было лучше. Тем более что царское правительство во II половине XVII века пыталось ввести там военное устройство на европейский лад, вводя новые воинские категории (например, рейтары, драгуны) и регламентируя их вооружение. Присылалось и требуемое оружие. Например, в описи "горелого ружья" Тобольска было "двадцать один ствол пищальных и мушкетных, двадцать три ствола карабинных, пять сот осмнадцать стволов пистольных (такое количество пистолетов как раз предназначалось для рейтар – Авт.)" [6, с. 349]. Но даже служилые Западных районов Сибири, несшие конную службу, часто вместо карабинов имели на воо-

¹ Окончание. Начало в № 1 за 2009 г.

² Работа выполнена по гранту РФФИ 06-06-96000. Используемые в статье материалы основаны на изучение источников касающихся территорий Прибайкалья, Забайкалья, Приамурья и Северо-востока России. Данные из регионов Западной и Южной Сибири использованы лишь для сравнения, и восполнения недостающей информации. Реалии военного дела в различных регионах Сибири и ДВ имели как общие характерные черты, так и определенную специфику.

ружении обычные пищали. К примеру, плененные калмыками конные казаки Тобольска имели следующий набор вооружения: "мы Федка и Матюшка из засеки к ним вышли; и те Калмыки ружье, пищали и сабли и луки и ножи все обрали" [9, с. 377].

За выданную государством пищаль, порох и свинец нес ответственность не только сам боец, но и его поручители. Правительство требовало от начальных людей, чтобы: "зерню и карты и всякою проигрышною игрой служилые и торговые и промышленные и всяких чинов люди потомуж не играли, и служилые б люди государева денежного и хлебного жалованья и пищалей и с себя платья не проигрывали" [3, с. 373]. Царские запреты имели под собой прямое основание. Так в 1655 году служилый Охотского острога Гаврилко "испроиграл зерню государево жалованье, порох и свинец и пищаль" [4, с. 5].

Начальным людям предписывалось регулярно проверять наличие огнестрельного оружия и боезапаса у подчиненных. Однако условия, когда большинство служилых основное время проводили вне острога, выполняли различные "службы" (сбор ясака, сопровождение казны и т.д.), охотились и вели хозяйство не позволяли осуществлять данные предписания. Поэтому проверка происходила обычно перед походом. Например, в 1654 году "сыну боярскому Олексею Бедареву и десятнику казачью Васке Бугру" предписывалось: "ратных Ленских служилых и новоприборных охочих промышленных и гулящих людей, которые у него собраны ныне на Ленском волоке, пересмотреть всех на лицо конных и пеших с ружьем, и у них зелья и свинцу, и учиня полк, велеть тем служилым и новоприборным людям выбрать меж себя ясаулов" [3, с. 25].

Правительство стремилось создавать запас огнестрельного оружия в казне острогов для вооружения вновь прибираемых на службу бойцов и замены вышедшего из строя оружия. Якутскому воеводе М. Лодыженскому в Наказе 1651 года предписывалось: "а что с ними с столником и воеводою с Михайлом Лодыженским и с дьяком Федором Тонково послано с Москвы для тамошних Сибирских прибылых всяких служб триста пищалей, и им Михайлу и Федору велети те пищали, для всяких тамошних Сибирских служб, держати в государеве казне; а у которых будет у служилых людей на боях иноземцы пищали отобьют, и про то будет сыщетца допряма, что у них те пищали иноземцы на боях отбили, и тем служилым людям, у которых на боях иноземцы пищали отобьют, и новоприборным казаком, которые на выбылые в убитые места прибраны будут, а после тех убитых казаков пищалей не останетца, давати государевы пищали из казны, чтоб те служилые люди на службах без пищалей не были, а будет тех пищалей, которые с ними на Лену посланы, будет мало и вперед без пищалей быть не уметь, и им столнику и воеводе и дьяку писати о том ко государю к Москве, и государь велит о том свой государев указ учинити, и пищалей к ним с Москвы пришлют, сколько пригоже" [3, с. 314].

При оставлении службы служилые должны были сдавать государственное оружие. Но за много лет службы оно так "приживалось" к хозяевам, что этого практически никто не делал. И царскому правительству приходилось издавать указы, напоминающие о необходимости его сдавать: "тем выбылым стрельцом и пешим казаком мушкеты и пищали из нашия великого государя казны были даны ли? И будет даны, те мушкеты и пищали велели сыскать у сотников и атаманов, и у пятидесятников, и поруччиков, и у жен их и у детей, или у кого те мушкеты и пищали объявятца, и отдавать тем людям, кто в их места верстаны, чтоб однолично никто без ружья не были" (Указ в Тобольск 9 марта 187 года) [6, с. 350].

При утере оружия или при приведении его в негодность служилые

должны были восстанавливать свою боеспособность за свой счет: "которое ружье попорчено, и то ружье починить, а которые люди мушкеты и пищали истеряли, а тем людям по выпискам довелось быть в драгунех, и им то ружье сыскать, а будет не сыщут, и им вместо того потеряного ружья купить им на их деньги новые пищали, чтоб однолично без ружья не было; а кто скажет, что мушкеты и пищали взяли или купили у них начальные и иные какие люди, и те мушкеты и пищали у тех людей взять безденежно" (Указ в Тобольск 22 сентября 188 года) [6, с. 356].

Но при всех стараниях власти обеспечить остроги запасом вооружения из-за острого дефицита вооружения практически все боеспособное оружие, как правило, было "за роздачей". Поэтому служилые стремились получить огнестрельное оружие при любой возможности. И. Курбатов 1657 году захватив в плен "воровских" илимских казаков, отдал их оружие своим людям: "А что взято у Ивашки Павлова и у Сенки Белоуса с товарищи их борошншку и оружия, и то поделили промеж собою для того, чтобы им впредь повадно было ходить за такими ворами" [4, с. 90]. В розыске о злоупотреблениях нерчинского воеводы Федора Воейкова в 1685 году отмечался факт отбора албазинскими казаками огнестрельного оружия у крестьян: "которое де было им пашенным крестьяном дано из казны великих государей ружье для приходу воинских Богдойских людей, и то де ружье Албазинские казаки у них пашенных крестьян отымали; и он де Федор, ..., им пашенным крестьяном говорил: толко де станут впредь казаки у них ружье отнимать насильно, и велел им пашенным крестьяном против казаков противитца и ружья им не давать" [11, с. 8].

Недостаток вооружения служилые отчасти восполняли покупкой оружия на свои средства. Так, в 1684 году казачий десятник Любим Федоров, описывая свою службу в Селенгинском остроге отмечал, что "подымались де они на,, службу в Мунгальскую землю собою и всякими своими подъемами, займучи, должаяся в кабалы и дав на себя крепкие записи с уговором и с порукою круговую, покупали хлебные запасы, порох и свинец и пищали и всякое приступное боевое ружье" [10, с. 214].

Оружие, купленное на свои деньги, оставалось собственностью бойца, в его полном распоряжении. Албазинский казачий десятник, попавший в плен к китайцам, передал с ушедшими для своей жены "ружье" с поручением: "покрученники мои ушли с ружьем, а ружье мое, и ты ружье возьми и продай" [9, с. 239].

При ведении боевых действий оружие убитых государственное и личное поступало в "государеву казну". Но там оно, как правило, не держивалось, выдаваясь тем, кому оно было необходимо. Интересны отписки А. Байтона 1688 года из осажденного Албазинского острога, касающиеся судьбы оружия павших казаков. На запрос: "сколько на лицо в Албазинском и сколько в разных городах побито и померло и оружие умерших у всякого казака Государское и казачье оружие" [13, с. 182]. От А. Байтона был получен пространный ответ: "А что оружие Государское прибрано в казну умерших казаков триста тридцать самопалов, сто девяносто гладково оружия целова, в том же оружии много старово, самопалов, сто девяносто гладково оружия целова, в том же оружии много старово, самопалов сорок шесть свалино без приправу, десять пищалей без замков, шестнадцать ломаных пищалей и многим служилым людям кто по осадное время к нам в Албазин не приплывает без оружия и оружие испорчено и тем многим дано и переменено, потому что место здесь украйна,, и то оружие собрал я бродючи о костылях с казаками вместе вместе будучи в худых душах заставляли собирать", ..., "а что умерших казачьих оружие у казаков осталось по их сказке иным за долги оставлено, а иных умерших осталось и целовщина, просят казаки,

... .., что оружие у них от умерших объявилось до указа Великих Государей и до Вашей милости, оружие у них в казну не имал, потому что тем головы свои кормят, а прибрать в казну оружие портитца и положить некуда, а у ково сколько объявилось в том сказки дали" [13, с. 184-185].

Впрочем, недостаток оружия в острогах, ощущался практически всегда. Как правило, запас оружия в "государевой казне" был невелик, все боеспособные пищали и мушкеты находились на вооружении служилых. Часть оружия, изнашивалась и выходила из строя и его надо было менять, часть пропадала в ходе боев вместе с убитыми служилыми. И для "новоприборных" служилых оружия не доставало. К тому же, оружие часто требовалось для вооружения промышленных и крестьян в случае серьезной опасности. Вот характерные примеры просьб из острогов о присылке оружия. Нерчинский воевода Федор Воейков в 1682 году отписал о состоянии казны Даурских острогов: "а великого государя в казне в Нерчинском остроге пушек и пороху и свинцу мало, а которое мелкое ружье осталось от воеводы Офанасия Пашкова, и то ружье все перержавело, а иное попорчено и рваное и к стрельбе то ружье негодитца, и мне из Нерчинского острогу пушек и пороху и свинцу послать нечего, и Нерчинских казаков за малолюдством", "а в Албазинском де остроге Русских людей ныне малолюдство, и в осадное время от неприятельских Китайских воинских людей в Албазинском остроге сидеть не с кем, и Албазинского острогу и великого государя казны и аманатов оберечь некем и нечем, потому что де пушек и пушечного снаряду и мелкого ручного ружья, пищалей и пороху, и свинцу в Албазинском остроге немного; а которое мелкое ручное ружье пищали в Албазинском и есть, и те де пищали худы и ненадежны, на стрельбе розрывает и людей портит" [9, с. 229]. В 1683 году сын боярский Иван Поршеников отписал из Селенгинского "что в Селенгинских острогах конечное малолюдство, наряду пороху и свинцу гораздо мало, а мелкого запасного ружья нет" [9, с. 243].

Тот же Ф. Воейков отмечал, что "которые промышленные небольшие люди в Нерчинском, и у тех промышленных людей ружья нет" [9, с. 229].

Албазинские крестьяне в челобитной 1682 года обращали внимание, что "ружьем и порохом и свинцом в Албазинском остроге скудно, какова пора, нам и принятца будет не за что" [9, с. 205].

Такое же положение было и на Северо-востоке. Казачий десятник Василий Тарасов в 1686 году отмечал, что в Анадырском зимовье "служилых людей мало, оружия и зелья и свинцу нет" [9, с. 351]. Приказчик Петр Ярыжкин в 1677 году писал из Охотского острога якутскому воеводе: "и ты государев воевода Андрей Афонасьевич послал бы к нам на выручку в Охотский острожек казаков наскоро, и пороху и свинцу и мушкетов и куяков, чтоб нам, сидячи в Охотском, голодною смертью не помереть и побитыми не быть" [6, с. 280].

Подобные отписки характерны не только для окраинных острогов, но и для острогов расположенных значительно ближе к центральной России. Например верхотурский воевода Михаил Толстой в 1683 году докладывал, что "а на Верхотурье де ружья нету; а у которых стрельцов ружье есть, и то худо и починить и стрелять из них нельзя" [9, с. 393]. А приказчик Пышминской слободы подотчетной Верхотурью, писал М. Толстому, что "в Пышминской слободе от воинских людей, каково будет время, сидеть будет в осаде не счем, ружья и зелья мало, всего одиннадцать мушкетов; и прежде сего из Пышминской слободы сослано на Верхотурье для починки четыре мушкета, и те мушкеты с Верхотурья в Пышминскую слободу не присланы, ..., а у крестьян ружья своего никакого нет" [9, с. 364]. В 1652 г. красноярский воевода Михаил Скрябин писал, что "в Красноярском остроге оставаютца за теми службами во все

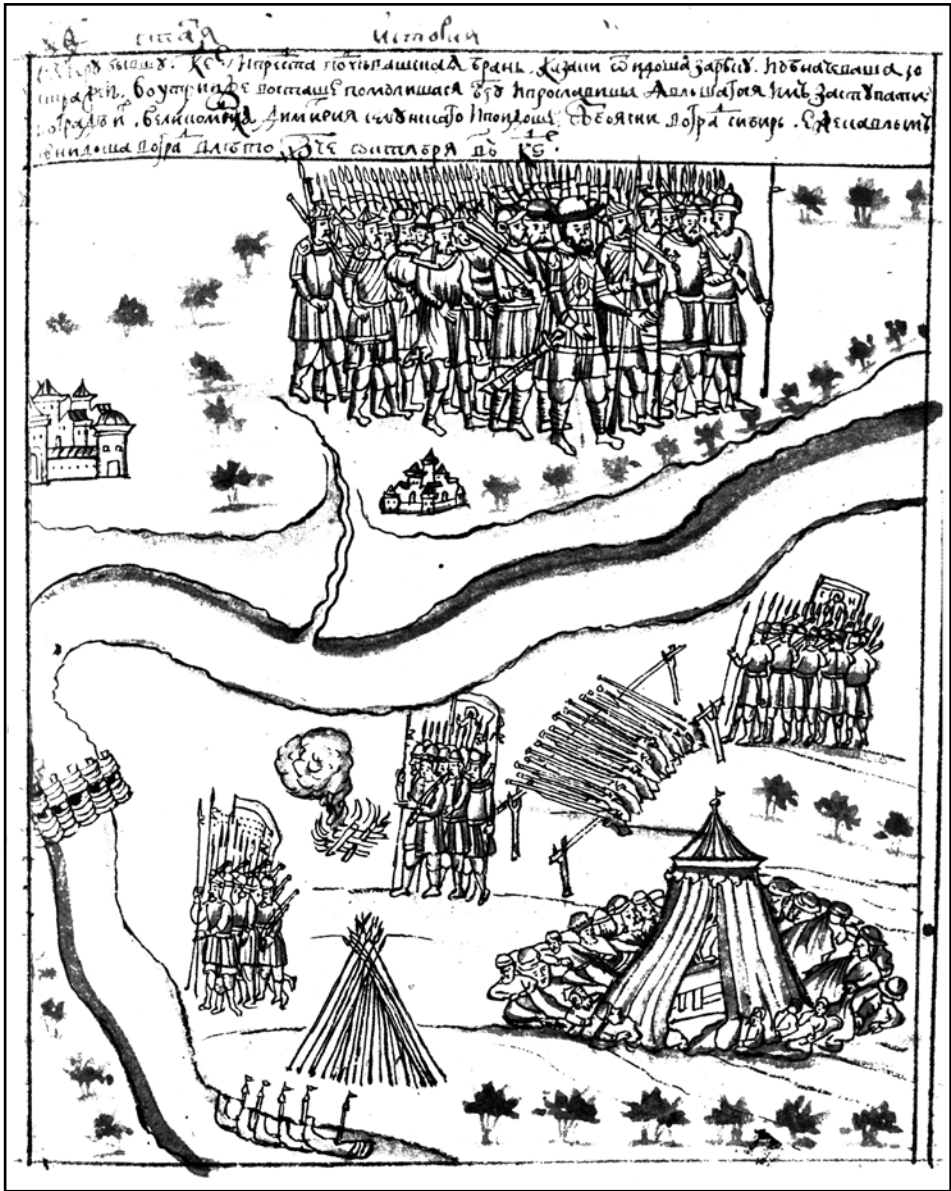

Рис. 1. Пример укладки пищалей во время ночлега.
(Миниатюра из Ремезовской летописи)

лето толко человек с пядьдесят и менши, и у тех, господине, служилых людей ружья нет болши половины, а в государеве казне нет ни одной пищали" [3, с. 384]. В 1662 году из Тюмени били челом, что " в, ...казне на Тюмени ружья, самопалов, нет, и у служилых людей самопалов нет, которое старое ружье и есть, да пороху переменить нечем и на время всяким жилецким людем в приход воинских людей дать нечего" [4, с. 289].

Недостаток огнестрельного оружия усугублялся еще тем, что в большинстве острогов попросту отсутствовали кузнецы, способные не то что сделать новое оружие, но и попросту починить старое. Что и не мудрено, так как в производстве одной пищали участвовали несколько специалистов. (хороших кузнецов способных производить огнестрельное оружие и в Европейской России было немного, и вряд ли они рвались за Урал, так

как они и дома вполне были обеспечены работой). Например, по отписке из Нерчинского острога 1682 года, "в Нерчинском остроге Бронных и оружейных мастеров нет, а бронный мастер преж сего прислан в Нерчинской острог Коземка Федоров, тот Бронной мастер стал дряхл, и стар слеп и с оружейною починкою не сможет" [8, с. 210]. В 1676 году Якутский воевода отписал, что: "в Якутском, государь, остроге кузнечной мастер один человек, ссыльной Новгородец Тимошка Гаврилов, которой,, прислан а Якутской в посад, а взял его Тимошку в Енисейском, едучи в Якутской, околничей и воевода князь Иван Петрович Борятинской во 175 году, и тот, ..., Тимошка стар и увечен, и бил челом,, велеть его за старость и за увече от кузнечного дела отставить", "а без бронных мастеров, ..., и кузнечных мастеров в Якутском остроге никоими мерами быть не мочно, потому что город украинной, и служилые люди, которые посылаютца из Якутского на твой великого государя службы, попорченного ружья починить не умеют и вновь делать некому" [6, с. 136-137]¹.

Не очень благоприятная ситуация была и в куда более благополучных городах Западной и Южной Сибири. В 1679 году из Тобольска писали что, "бронных де и иных никаких ружейного дела мастеровых людей опричь кузнецов, нет а кузнецы де бронного дела и ружья починивать и вновь делать не умеют; а у стрельцов де и пеших казаков, которын верстаны вновь в выбылые оклады, у многих ружья нет; а по ведомости в Сибирском Приказе, в Тобольску бронному делу умеют Литовского списку да пашен казаки Стенка Волохов, Симонко Захаров, и кузнецы добрые в Тобольску и на Тюмени есть же" [6, с. 349]. А из Красноярска в 1665 году жаловались, что "в Красноярском же, ..., остроге в государеве казне ружье, мушкеты, что в прошлом во 172 году с Москвы присланы, дорогою переломаны и замки перепорчаны, и многое старое ружье у служилых людей от стрельбы перепорчано, а пищальных, ..., и замочных мастеров в Красноярском остроге никого нет, и починивать к нынешнему воинскому времени некому", "и пищальных, ..., и замочных мастеров прислати бы, ..., без замотчанья, чтоб, ..., было кем ружье, ство-

¹ Царское правительство, пытаясь решить проблему нехватки оружия и специалистов по его обслуживанию, издавало предписания по распределению мастеров оружейников из более благополучных острогов в бедствующие места: "велено в Томску и Томского разряду в городах, и на Лене в Якутском, в Илимском, и в Даурах, и тех городов в уездех, в острогах и в слободах пушки и затинные пищали и мелкое ружье, которое попорчено, починить и пушки устроить все в станки; а которое мелкое ружье попорчено, а починить его нельзя, и то ружье поделать снова городовыми кузнецы и бронными и иными мастеровыми людьми; а будет где к тому делу кузнецов и бронных мастеров нет, и для того дела по самой нуже иметь кузнецов и бронных мастеров из Енисейска и из иных Томского розряду городов и острогов, и у служилых людей у детей боярских и у иных чинов всякого ружья их досматривать по часту, чтоб пушки и затинные пищали и мелкое ружье и у всяких чинов служилых людей ружье ж их к службе было добро".

Мастерам, отправляемым в новые места (как правило на время), за время своего пребывания предписывалось обучить своему делу набранных специально для этого людей: "выучить, бронному и кузнечному делу учеников, взяв из казачьих и из стрелецких детей, и быть в городах и острогах новым кузнецом и бронным мастером сверх прежних и жалованных кузнецов и бронных мастеров, по сколько человек доведется; а покаместа ученики бронному и кузнечному делу учатца, и им давать из твоей великого государя казны корм тем, кто будет выучитца, по четыре денги человеку на день или против того по торговой цене хлебом; а как те ученики бронному и кузнечному делу у присыльных и туточных кузнецов и бронных мастеров выучитца, и присыльных кузнецов и бронных мастеров отпустить в те города кто откуда взят", "а учеником и прежним кузнецом и мастером ружье починивать и вновь делать с великим раденьем, а на то дело железо и уклад купить, а деньги давать из твоей великого государя казны".

Интересно, что вновь обученным не предполагалось государственное жалованье, кормиться же им предлагалось выполняя работы по найму: "а за то ружейное дело и починки вместо денежного и хлебного и соляного жалованья новым кузнецом и бронным мастером у всяких чинов Русских людей ружье починивать и вновь всякие бронные и кузнечные дела делать из найму; а оброков с них новых кузнецов и бронных мастеров с того их дела не иметь" [6, с. 135-136].

лы и замки, починить и государеве бы нынешней такой великой службе без мастеров порухи не было" [5, с. 40, 50].

Большинство народностей, с которыми приходилось сталкиваться русским, не имели собственного огнестрельного оружия. Часть из них, увидев преимущества "огненного боя", стали использовать его в своем военном деле, а часть не взяла его на вооружение. Народности Прибайкалья, Забайкалья, Якутии, Приамурья и Северо-восточных районов в ходе столкновений с русскими захватывали довольно значительное количество пищалей и мушкетов. Якутский воевода в отписке царю указывал, что в 1677 году "тунгусы, ..., изменили, Гортиканского роду Некрунко с товарищи, и служилых людей пятидесятника Устина Панфилова с товарищи, 37 человек, не допустя идучи на Ламу до Охоцкого острожку, на дороге побили и вашу, ..., товарную и зелейную казну и ружье их и платье и всякой борошень взяли" [9, с. 353]. В 1685 году у Учюрского зимовья тунгусы "встретили Албазинских служилых и промышленных людей, которые шли с Уди реки в Якуцкой острог нартами, 15 человек, да Якуцкого служилого человека Фадья Ванюкова; и тех де служилых и промышленных людей родники его Учюрские Тунгусы убили до смерти,, и ружье, и мягкую рухлядь, и платье, и котлы, и топоры взяли и поделили по себе" [9, с. 355]. В Якутский воевода Иван Приклонский писал о действиях Ивана Курбатова в Анадырском острожке в 1679 году, что ""Юкагири его Ивановых полчан служилых людей 16 человек побили до смерти, и твою великого государя товарную казну и их служилых людей ружье и рухлядь взяли" [9, с. 342]. Подобные отписки об уничтожении отрядов русских служилых встречаются достаточно часто. Но в бою захваченное оружие аборигены практически не использовали¹.

В 1656 году А. Степанов в отписке указывает, что гилыки, уходя от преследования, бросали казачье оружие за ненадобностью: "Оничка Логинова с товарищи тридцать человек, ..., служилых людей Гилыцкие люди побили, а живот их и ружье розделили по себе; и я Онофрейко под юртами находил многие казачьи признаки, ружье и всякий борошень" [4, с. 82]. В 1684 году "оленный тунгус" Канашанко на допросе в Охот-

¹ Напротив, в Западной и Южной Сибири кочевые племена охотно вооружались русскими винтовками и пищалами, о чем не раз отмечалось служилыми в различных донесениях. В 1676 году "в Сибирский приказ из Приказа Казанского дворца писано, что по Сибирской де дороге, за Уралом, от города Уфы в дальних местах, объявились у многих Башкирцев пищали винтовки многие, да и по городовую де сторону Уфы у Башкирцев пищали есть же, и пищальной де стрельбе изучились, а лучную стрельбу покинули" [6, с. 331]; в 1678 году Ф. Арапов, прибывший из Кунгурской слободы, "и видел де он Фролко, что Татаровя и Башкирцы лошадей кормят и луки и стрелы делают, и ружья де у них много, у всякаго человека пищали по две и по три (в другом документе – пищали винтовки)" [6, с. 350; 7, с. 40]. Тобольские казаки посланные в "Казачью Орду" в 1695 году отметили применение татарами в бою огнестрельного оружия "наехали на нас Казачьи Орды воинские люди человек шестьдесят, и учили по нас из ружья и из луков стрелять, и убили Татарского кашевара, а другого ранили, и пожитки наши со вьюшными лошадми ограбили без остатку" [9, с. 377].

Впрочем, обычно число кочевников вооруженных огнестрельным оружием по отношению к общему количеству воинов было небольшим, например, у татар пришедших в Ирбитскую слободу "с Иски озера" в 1662 было "четыреста человек, а куячного де люду пятьдесят человек, а оружья де у них тридцать пищалей" [4, с. 294].

Как ни странно обычно русское оружие у кочевых племен появлялось не путем захвата ими его в бою. Русские сами охотно его продавали, не смотря ни на какие запреты. Не останавливала даже возможность того, что из этого же оружия в них же и будут стрелять. Красноярский воевода М. Скрябин писал в Томск в 1652 году, что "как де Киргизы, и Тубинцы, и Алтырцы и Керелцы обсеклися в городке от Красноярского острогу в дву днищах на речке Енике, и у них де объявилось в то время тридцать пищалей, винтовок Русских, да пятнадцать пищалей Калмацких с жаграми, а пороху де и свинцу у них много ж", "и они де говорили, что де им то ружье и порох и свинец привозят из Томского города всякие люди и меняют с ними на товары, а иные Калмацкие пищали привозят из Калмаков, и при нем де Степане они стреляли по целе многожды и убивали в цель, как и Русские люди" [3, с. 383].

ском остроге на вопрос о судьбе захваченного у убитых служилых оружия сказал, что: " казачье оружие розломали и перековали на стрелы, толко де то оружие розделили на многие роды" [10, с. 23]. В 1676 году якутский воевода, говоря о вооружении аборигенов, так же указывает на отсутствие в их распоряжении огнестрельного оружия "а иноземцы государь, Якуты и Тунгусы куяки, и палмы, и копыя, и топоры, и ножи сами делают, и для твоих государевых служб у Якутов в твою,, казну служилым людям куяки емлют; а огненного, государь, ружья, пищалей и пороху и свинцу у иноземцев у Якутов и у Тунгусов нет" [6, с. 331].

Едва ли не единственным упоминанием об использовании аборигенами русских пищалей находим в отписке 1651 года служилого Второва Катаева в Якутск о действиях против юкагиров: "и посылал он Василий меня на государеву службу в поход с служилыми и промышленными людьми, а служилых и промышленных людей людей послал со мною 48 человек на государевых изменников на Алазейских Юкагирей, которые в прошлом во 158 году государю изменили, служилых людей Сидорка Филимонова да Пятелку Балезина убили, и государеву казну пограбили, и сами из аманатов убежали, и служивых людей пищали поносили", "и они изменники Юкагири в те поры почали из острожку из пищалей и из луков вороты и бойницы по нас стрелять" [3, с. 284; 12, с. 194].

Часть огнестрельного оружия ,захваченного у русских, приносилась аборигенами в Китай, где оно очень ценилось. Так, вернувшиеся в 1684 году из китайского плена промышленные рассказали, что "шли де с Зеи реки в Албазинский острог служилых людей пять человек, и тех де служилых людей Тунгусы на дороге побили, и принесли де те Тунгусы в тот новый город пищаль гладкую" [10, с. 82].

Маньчжуры были единственным противником русских, использовавшим на войне собственное огнестрельное оружие. В ходе столкновений они высоко оценили русские пищали и мушкеты, имевшие кремневый замок, и старались заполучить их при любой возможности, главным образом как военный трофей. Например, албазинские казаки под руководством Г. Мыльника, плененные превосходящими силами маньчжур, рассказали что, " взяли де его Гришку Мыльника с товарищи в полон и ружье де у них к себе все побрали" [9, с. 234]. Трофейное оружие поступало на вооружение маньчжурских бойцов. Нерчинский воевода в отписке 1685 года в Енисейск отметил, что "приходило де той Китайской силы под Албазинский острог водою на 100 бусах, а в бусе де было человек по 40 и по 50, с луками и с сулемами, ..., а с пищалями де было в том же вышеписанном числе человек со 100, а те де пищали взяты у русских людей, которые служилые люди были на реках на Зее и на Силинбе и на Хамуне и на Уде" [11, с. 112].

Впрочем, русские всегда имели преимущество в "огненном бое". В данных о вооружении маньчжур служилые подчеркивали незначительный процент вооружения "богдойцев" огнестрельным оружием. В 1683 году Нерчинский воевода Ф. Воейков отписал в Енисейск, что "приезжали в Албазинский острог Китайского богдохана людей сотников и пятидесятников и всяких воинских людей с тысячу человек и болши конницы, с протазаны, и с праперы, и знаменами и с невеликим огненным оружием" [9, с. 228]. А в отписке А. Байтона 1687 года в Нерчинск было отмечено, что " под Албазин де приходило китайского войска боевых людей 3000 человек да работных с 1000. А воинских де припасов было с ними 56 пушек да мелкого ружья пищалей з 200. А пушки де льют и делают никанцы, а выучились де они от немцев, которые и ныне есть в Китайском государстве" [14, с. 195].

В руки русских служилых так же попадало трофейное маньчжурское оружие. Казаки Ерофея Хабарова, защищавшие Ачанский городок,

отписали в 1652 году, что " у которых у них Богдойских людей у лутчих воитинов огненно оружие было, и тех людей мы побили и оружие у них взяли", "да у них Богдоев отбили семнадцать пищалей скорострельных, а те их пищали по три ствола и по четыре ствола вместе, а замков у тех скорострельных пищалей нет, да у них же отбили две пушки железные" [3, с. 366]. Подобные трофеи отправляли в Москву, где живо интересовались воинским делом нового противника. Ф. Головин во время переговоров 1689 года собирал все возможные сведения о производстве в Китае огнестрельного оружия: "да их же, езуитов, великий и полномочный посол спрашивал: от кого они, китайцы, учение себе имеют и употребляют в войне пушек и иного огненного оружия. Езуиты говорили: то учение у них издавна от приезжих иноземцов и от япончиков, которые во всем воинском поведении уподобляются еуроплянам" [14, с. 603]. Интерес к появлению огнестрельного оружия в Китае был вызван еще тем, что оттуда "огненное оружие" поступало на вооружение различным монгольским племенам, регулярно конфликтовавшим с русскими на границе. Например, в январе 1687 года служилые из под Удинска доносили об одном из монгольских тайшей что, "у Батур-контайши в полку есть 2 пушки да и мелкого ружья есть многое число, а возят де те пушки на телегах", "и пушки де у Батур Контаязия есть, а привезены ис Китай сего лета. А иные де пушки есть деревянные, а к тем де пушкам ядра льют ис чюгунного железа. А порох делают сами, а свинец к мелкому ружью привозят ис Китай" [14, с. 273-274].

Итак, можно подвести следующие итоги. В Сибири и на Дальнем Востоке в XVII веке использовались такие виды огнестрельного оружия, как пищаль, мушкет, винтовка, карабин, пистолет. Подавляющее большинство служилых были вооружены пищалями с кремневым замком. Мушкеты из-за тяжести и оснащённости фитильным замком употребляли значительно реже. Винтовка имела широкое хождение как личное оружие, в отличие от пищали и мушкета, которые были "государевым" имуществом. Карабины и пистолеты из-за дороговизны были на вооружении у очень ограниченного количества бойцов. Определенную роль на выбор используемых видов оружия оказывало стремление иметь универсальное оружие, которое было возможно использовать и в бою и на охоте.

Правительство стремилось следить за тем, как используется, где и в каком состоянии хранится посылаемое им оружие. При всем стремлении Москвы полностью обеспечить служилых пищалями и мушкетами, постоянно ощущалась их нехватка. Не хватало и кузнецов, способных починить пришедшее в негодность оружие. В связи с этим, часть служилых вооружалась за свой счет.

В ходе столкновений русских с аборигенным населением в руки последнего попадало значительное количество огнестрельного оружия, но по ряду причин по прямому назначению оно им не было использовано, в отличие от кочевых народностей, приходивших в Западную и Южную Сибирь, которые активно использовали русское огнестрельное оружие.

Приамурье послужило зоной столкновения русских с маньчжурами имевших собственное оружие "огненного боя". Русский кремневый замок послужил своеобразным открытием для маньчжур, пользовавшихся фитильными пищалями.

Приведенная в статье информация, конечно же далеко не полна. Кроме письменных источников, обширные данные дают материалы музейных коллекций, археологические находки, а так же изобразительные источники (миниатюры летописей и икон). Только сочетание всех этих видов источников может дать наиболее полную и достоверную информацию об огнестрельном оружии первопроходцев.

Литература

1. Богоявленский С.К. Вооружение русских войск в XVI-XVII вв. // Исторические записки. Т.4. М., 1938. С.258-285.

2. Гордеев Н.В. Русское огнестрельное оружие и мастера оружейники Оружейной палаты XVII века // Государственная Оружейная палата Московского Кремля. М., 1954. С. 3-59.

3. Дополнения к актам историческим. Т. 3. СПб, 1848. 557 с.

4. Дополнения к актам историческим. Т. 4. СПб, 1851. 416 с.

5. Дополнения к актам историческим. Т. 5. СПб, 1853. 510 с.

6. Дополнения к актам историческим. Т. 7. СПб, 1859. 374 с.

7. Дополнения к актам историческим. Т. 8. СПб, 1862. 350 с.

8. Дополнения к актам историческим. Т. 9. СПб, 1875. 353 с.

9. Дополнения к актам историческим. Т. 10. СПб, 1867. 504 с.

10. Дополнения к актам историческим. Т. 11. СПб, 1869. 312 с.

11. Дополнения к актам историческим. Т. 12. СПб, 1872. 423 с.

12. Митько О. А. Люди и оружие (воинская культура русских первопроходцев и коренного населения Сибири в эпоху позднего средневековья) // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии. Выпуск 1. Новосибирск, 2004. С. 165-206.

13. Паршин В. Поездка в Забайкальский край. Ч. 2. Приложения. М., 1844.

14. Русско-китайские отношения в XVII веке. Т.2, 1686-1691, Составитель Демидова Н.Ф., Мясников В.С., М.: Наука, 1972. 834 с.

15. Симбирцева Т.М. Дневник генерала Син Нью 1658 г. Первое письменное свидетельство о встрече русских и корейцев. // Проблемы истории, философии и культуры. 13. 2003, 2. С. 336-343.